

**ВАДИМ
ЛАНКИН**

ЭСТЕТИКА

Вадим Геннадьевич Ланкин
Эстетика
Серия «Учебники ТГАСУ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35237566

Эстетика:

ISBN 978-5-93057-810-2

Аннотация

В учебном пособии сделана попытка систематически изложить материал по эстетике, понимаемой не только в качестве философской науки, но и в качестве совокупности идей, проявляющихся в широкой области культуры и художественной практики. Трактовка содержания дисциплины дана в пособии как в ключе ее истории, так и в контексте ее современных категорий и проблем. Особое внимание уделяется сопоставлению и систематизации категорий классической и неклассической эстетики, трактовке единства и многообразия систем и ценностей художественной выразительности разных видов искусства и арт-практик.

Пособие предназначено для студентов по направлению «Архитектура». В связи с этим в качестве самостоятельных разделов выделены разделы эстетики пространства и среды, вопросы дизайна как сферы эстетической деятельности,

приоритет отдается истории стилей, направлений и течений изобразительного искусства и архитектуры.

Книга будет полезна студентам, аспирантам, преподавателям и всем интересующимся проблемами эстетики, теории искусства и философии культуры.

Содержание

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение	5
Введение	6
1. Эстетика как наука: основные понятия	12
1.1. Эстетика как наука	12
1.2. Своеобразие феноменов эстетического	19
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вадим Геннадьевич Ланкин

Эстетика

**Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение**

© Томский государственный архитектурно-строительный
университет, 2017

© Ланкин В.Г., 2017

*** * ***

Введение

Эстетика – довольно старая наука, особенно если считать, что ее начало не совпало с XVIII в., когда было предложено это, закрепившееся позже, название данной дисциплины, а теряется в далекой древности: идеи, которые мы вполне можем идентифицировать как эстетические, можно встретить в культурных эпохах и философских школах древних цивилизаций. Но, несмотря на столь длинную историю эстетической рефлексии человечества, в этой области и сегодня довольно много нерешенных проблем. Более того, эстетика, возможно, как никакая сфера культуры, интенсивно изменяется – ведь в самой природе эстетического присутствует феномен обновления, – причем изменения такого рода происходят и сегодня, на наших глазах.

Интерес же к эстетике как научной дисциплине и учебному предмету в обществе колеблется. Например, если взять только отечественную историю новейшего времени, эстетика то появлялась в учебных программах высшей школы (20–30-е, 60–80-е гг.), то исчезала или медленно «вымывалась», как это происходит, в частности, и сегодня. Сейчас эта дисциплина имеет место в образовательных программах только ряда немногих специальностей и направлений.

Цель изучения эстетики – освоение богатства эстетических ценностей, идей и концепций, развитие эстетического

сознания на основе философско-эстетической рефлексии. В задачи данного пособия входит знакомство студентов с многообразием подходов к предмету эстетики, раскрытие связи изменений в представлениях о феномене эстетического с духовным обликом эпохи, картиной мира и культурой общества; характеристика своеобразия эстетического как смыслообразующего феномена культуры; формирование представлений о типах эстетической деятельности; знакомство студентов с идеями современной эстетической мысли и историей формирования и развития эстетических идей и концепций, с базисными ценностями, отраженными в развитии эстетической деятельности и эстетической теории.

Данное пособие может быть предназначено как для изучения самостоятельного курса, так и для освоения таких курсов, как «Корпоративная этика и эстетика», «Эстетика архитектуры». Оно может быть полезно также и при изучении дисциплины «Культурология». Это пособие предназначено для студентов-архитекторов, поэтому в нём можно проследить мотивы данной профессиональной направленности: в качестве самостоятельных разделов выделены разделы об эстетическом пространстве и среде, об энвайронменте как современной метаэстетической категории, о дизайне как сфере эстетической деятельности. В обзоре эстетических проявлений в искусстве – его стилей, направлений и течений – приоритет отдается данным по истории изобразительного искусства и архитектуры.

В пособии уделяется относительно немного внимания разделу истории эстетической мысли до XX в. Дело в том, что данная тематика блестяще отражена во многих других изданиях. И она, на наш взгляд, не является остропроблемной, требующей сегодня напряженной рефлексии и систематизации. Повышенное же внимание уделено ряду тем, которые представляются или теоретически проблемными, сложными, в которых надо помочь студенту детально разобраться, или же являются остро актуальными, затрагивающими текущие тенденции культуры и творческой практики. Вот эти проблемы: природа эстетического, своеобразие эстетического в системе дополняющих друг друга модусов сознания и, соответственно, сфер культуры, систематизация эстетических категорий – как классических, так и современных, систематизация типов художественно-эстетической деятельности и, в частности, видов искусства как модусов художественного мышления. Обращение внимания именно на эти проблемные узлы позволит, на наш взгляд, придать эстетике как науке больший объясняющий потенциал – без претензии, конечно, превратить ее в досконально разъясняющую рациональную силлогистику.

Развязывание этих проблемных узлов эстетической теории заставляет увидеть в особом ракурсе и многие связанные с ними понятия и темы. В качестве таковых надо выделить прежде всего тематику ценностных категорий эстетики, как классической, так и неклассической, причем в проблемном

поле их соотношения, а также: аспекты феноменологической структуры эстетического сознания, позволяющие прояснить духовную природу эстетического события; аспекты развития эстетических идей в самой художественно-творческой практике, аспекты эстетики художественных стилей, и особенно тенденции их развития на современном этапе и др.

Это же заставляет рассмотреть ряд понятий в качестве эстетических метакатегорий, то есть категорий, несущих методологическое значение в качестве задающих новые ракурсы видения самого эстетического как такового, задающих новые ракурсы переосмысления человеческой чувствительности. Одной из таких метакатегорий является собственно понятие эстетического – его объем, содержание и смысл требуют нового определения и объяснения в связи с современными тенденциями культуры и творчества. В качестве метакатегорий такого рода, характеризующих кризисное, переломное состояние современной эстетики, были выделены понятия телесности, игры, иронии и энвайронмента (среды). Их культурный смысл отчасти выходит за рамки эстетического, хотя их содержание и тесно интегрировано в сфере эстетики. В них отражена эстетическая специфика современной культурной эпохи.

Еще раз стоит отметить, что цель эстетической теории автора настоящего пособия видит не столько в рациональном разъяснении тайн эстетического созерцания, сколько в феноменологическом прояснении эстетического события, не

сводимого ни к каким другим способам осмысления и поэтому не подлежащего исчерпывающей рационализации. Задача – раскрыть феномены эстетического в их смысловом своеобразии, внутренней вариантности и множественности проявлений. В пособии отображается широкий спектр теорий и методов понимания проблем эстетики, соответствующий основному опыту эстетической рефлексии, но автор основывает свой способ их решения на методологии экзистенциально-феноменологического подхода, которую было бы верно конкретизировать в данном случае как логику события.

В связи с этим в пособии намеренно допущены некоторые тематические повторы: тема онтологии эстетического сознания затрагивается в целом ряде разделов – и в рассуждении о природе эстетического, и при анализе его своеобразия в контексте других способов смыслообразования, нашедших отражение в опыте культуры, и собственно в разделе, характеризующем структуру эстетического сознания. Эти повторы призваны выразить методологическое единство авторского подхода, описывающего проблемы эстетики с позиции феноменологии и экзистенции человеческого сознания.

Суммируя все здесь сказанное, надо выделить аспект некоторой сверхзадачи пособия. Смысл этой сверхзадачи отнюдь не в доходчивой или же красочно увлекательной по форме компиляции, отражающей мировой опыт изучения эстетики как науки. При многообразии учебников и словарно-справочных изданий по эстетике, выходящих в послед-

ние годы, есть все же ряд проблем довольно запутанных и дискуссионных; причем, как мы показали выше, это проблемы не периферийные, а напротив, центральные для эстетики. Позиционировать именно в этом ареале проблем – вот задача данного пособия. Его миссия, таким образом, – не столько повторение, сколько дополнение эстетической теории.

Именно в этом качестве, надеемся, данное пособие будет полезно студентам, аспирантам, преподавателям и всем интересующимся проблемами эстетики, теории искусства и философии культуры в целом.

1. Эстетика как наука: основные понятия

1.1. Эстетика как наука

Эстетика (от греч. αἰσθήσις (aesthesia) – чувство, αἰσθητικός (aesthetikos) – чувствующий) появилась как особая философская дисциплина в XVIII в., обозначив в качестве своего широкого предмета чувственное познание, имеющее особое место и свое важное значение наряду с рациональным познанием, считавшимся тогда, в эпоху рационализма, в странах Запада главной, если не единственной верной и ясной способностью ума. Именно такой философской дисциплине дал тогда название эстетики немецкий философ А. Баумгартен. Он считал, что дух имеет два самостоятельных уровня бытия: «логический горизонт» и «эстетический горизонт» и определил эстетику как науку об особом чувственном познании, постигающем прекрасное, о законах создания на его основе произведений искусства и законах их восприятия. А. Баумгартен (1714–1762) издал книгу «Эстетика» (1756), в которой представлял особую философскую дисциплину о чувственном познании, которое дополняет познание рациональное и не сводится к нему. Таким образом,

эстетика в его понимании играет ту же роль в области чувственного познания, что *логика* в рациональном познании. В век рационализма это был важный шаг в понимании многообразия форм человеческого сознания.

В узком же смысле эстетику называли порой философией красоты, имея в виду наиболее эстетически презентативную и давно философски осваиваемую категорию прекрасного, или философией искусства, имея в виду обширную предметную сферу художественного творчества и художественной выразительности, в которой эстетика находит приоритетные и богатые подтверждения своих положений.

В классическом смысле эстетика понимается как философская наука о наиболее общих принципах эстетического освоения мира, о феноменах эстетического сознания, ценностях эстетической деятельности и закономерностях художественной практики. Таким образом, предмет классической эстетики разделяется на две большие сферы: 1) эстетическое, его своеобразие и целый ряд обобщенно включаемых в него ценностных категорий и 2) искусство и вообще эстетическая деятельность как сфера наиболее ярких и специфических проявлений эстетического начала в формах культуры и видах человеческого творчества.

В современном и более широком смысле понятие эстетики охватывает всю сферу деятельности, включающую феномены художественно-эстетического и образно-творческого порядка, которые можно проследить в культуре челове-

ского общества. В этом смысле говорят, например, о религиозной эстетике, об эстетике дизайна, быта и повседневности, поведения и т. п. – то есть уже не столько о теории, сколько о самой эстетической деятельности, проявляющейся в разных сферах культуры.

Несмотря на то что термин «эстетика» появился не так уж давно – в сравнении с многотысячелетней историей человечества, – проблемы и темы, вошедшие в состав этой науки, издавна рассматривались как в собственно философском, так и в искусствоведческом, богословском, а еще ранее в мифологическом аспектах. Так, в Индии, Китае, Греции еще в древности стали появляться трактаты по искусству не только нормативно-технологического, но и аналитического (Аристотель) содержания, а также философские сочинения, в которых теоретически осмысливались значение и особенности эстетического сознания и принципы эстетической деятельности. Так что уверенно можно утверждать, что эстетика начала свое развитие с далекой древности.

Впрочем, как только что было отмечено, эстетика развивалась не только в виде философского размышления. Большую роль играли в ее развитии сочинения и манифесты самих деятелей искусства и литературы, в которых они осмысливали приоритеты своего творческого метода и декларировали свое понимание искусства, его значение в культуре, обществе, мироздании. С XX в. под понятием эстетики стали рассматриваться также и аспекты самой художественной де-

тельности, именно в это время, как никогда, окрашенная идеями беспрецедентных творческих поисков, мировоззренческих проектов и дерзких экспериментов с человеческим сознанием и чувством. Это динамичное продвижение в области эстетических идей, характерное для художественной деятельности XX–XXI вв., стало носить название передовой эстетики, за которой порой не поспевала теория.

Уже начиная со времен романтизма (XIX в.) было отмечено, что рациональные формы философии, прежде всего как они сложились в эпоху классического рационализма, требуют большей гибкости и утонченности, чтобы суметь адекватно охватить самобытное явление эстетического. Ф. Шеллинг в связи с этим говорил: «Искусство – вот подлинный органон философии» – то есть в искусстве он видел искомый образец для совершенствования логики философствующего разума. Но, со своей стороны, и философия как таковая в XX–XXI вв. тоже взяла на себя миссию развития и смены мироощущения – и эстетика во многих своих темах и вопросах оказалась распыленной в философствовании в целом, окрасив, в свою очередь, современную философию доминирующими настроениями эстетической интуиции – идеями игры, как бы замещающей логику, спонтанности, замещающей и естественность, и свободу, телесности, до некоторой степени заслоняющей чистое сознание, характеризовавшее бытие субъекта в классическую эпоху, и т. д.

Само эстетическое начало хотя и концентрированно про-

является в искусстве и специфически эстетической деятельности, но не исчерпывается этими презентативными сферами. Оно присутствует в той или иной мере и во многих других сферах культуры и человеческой деятельности. Поэтому и термин «эстетика» употребляется часто более широко и иногда при этом менее строго: говорится об эстетике поведения, эстетике той или иной деятельности – эстетике спорта, церковного обряда, воинского ритуала и т. д. Но, несмотря на такую распыленность эстетической тематики, эстетика как наука в совокупности с эстетическими идеями самой художественно-эстетической практики является главным полюсом рефлексии сознания обо всех этих многообразных явлениях.

Можно выделить некоторые основные проблемы эстетики как науки:

- роль эстетического начала в культуре, в жизни общества и в преобразовании мира;
- соотношение эстетических явлений и рациональных форм человеческого сознания;
- каков статус эстетического отношения: объективный или субъективный?
- чем определяются эстетические формы чувства – природой или культурой?
- относительный или же универсальный характер носят явления эстетического?
- изменчивость эстетических взглядов, вкусов, идеалов и

образцов художественной деятельности на протяжении истории человечества, включая современность.

Можно определить предмет эстетики следующим образом: Для классической эстетики (XVIII–XIX вв.) этот предмет имеет две стороны:

- 1) эстетическое, его своеобразие и целый ряд обобщенно включаемых в него ценностных категорий;
- 2) искусство и вся эстетическая деятельность как сфера проявлений эстетического начала в формах культуры.

Порой, сужая смысл этих предметных сфер, эстетику называли: а) философией красоты, б) философией искусства.

В XX–XXI вв. аспекты предмета эстетики были расширены. Эстетика – как рефлексия эстетического воздействия (эстетической выразительности), изучающая все многообразие впечатлений, производящих особый сильный эффект на человеческое сознание и переживание. Важной стороной предмета эстетики стало эстетическое сознание в его соотношении с другими типами сознания и даже с бессознательным уровнем человеческой психики.

По близости предметной направленности эстетика взаимодействует с рядом смежных дисциплин – психологией, искусствоведением, культурологией, философией как общей теорией познания и бытия. При этом методы многих данных наук, взаимодействуя, используются при изучении предметного поля эстетики.

Надо указать на источники эстетики и при этом на разные

способы формирования эстетических идей:

1. Философская рефлексия эстетических явлений, выраженная, как правило, в рациональных концепциях, изложенная в сочинениях философов.

2. Трактаты по искусству, сочинения и манифесты самих деятелей искусства и литературы, в которых они осмыслили приоритеты своего творческого метода.

3. Идеи, выраженные в самом искусстве и эстетической деятельности, особенно с XX в., когда искусство стало провозвестником идей творческих поисков, мировоззренческих проектов и дерзких экспериментов с человеческим сознанием и чувством. Динамичное продвижение в области эстетических идей, характерное для художественной деятельности XX–XXI вв., стало носить название передовой эстетики.

1.2. Своеобразие феноменов эстетического

Эстетическое (от греч. αἴσθησις (aesthesia) – чувство, αἰσθητικός (aesthetikos) – чувствующий) – одна из наиболее широких и всеобъемлющих *категорий эстетики*, по сути, способная включить в себя все прочие категории и понятия как свои модификации. То есть ее можно назвать метакатегорией. Понятие «эстетическое» вошло в употребление практически вместе с выделением дисциплины «эстетика», сделанным А. Баумгартеном в XVIII в. и подразумевавшим чувственное познание – познание с помощью чувства, существующее наряду с познанием рационально-логическим, а не только предваряющим или смутно предвосхищающим его. В этом смысле эстетическую способность можно квалифицировать, скорее, как «шестое» – наиболее общее, внутреннее и умное чувство, нежели как ощущения – данные органов чувств, которые уже издавна понимались как первичная основа познания. Данные органов чувств не могли претендовать на статус вполне сознательного явления – сознание связывалось, прежде всего, с разумом, а также – в духовно-религиозной жизни – с мистическим откровением. В данном смысле эстетическое – это род особого постижения, это чувствующая и предчувствующая интуиция, не сводимая в своей специфической модальности к рациональной способно-

сти сознания.

Можно сказать, что эстетическое – это особое качество эффективной выразительности, совершенства, привлекательности и обаяния, позволяющих выделить эстетические явления из однообразной, привычной, серой повседневной действительности. Одновременно это особое духовное отношение человека к действительности, при котором некоторые ее явления оказываются предметом необычного внимания, увлекательного интереса и восхищенного любования, переживание которого сопровождается чувством глубокого эмоционального наслаждения. А также это особое явление сознания (или, точнее, совокупность явлений), в котором мир, отражаясь, обретает чудесную целостность, необычное совершенство и полноту, особые грани эмоциональной осмысленности и выглядит как образ желанной мечты, способной творчески вдохновлять.

Чаще всего категория эстетического понимается как особое *эстетическое отношение* человека к действительности, имеющее как созерцательные, так и активно-творческие характеристики и окрашивающее охватываемую им реальность в переосмысляющие тона эстетически значимых качеств, таких как красота, выразительность и др. Именно человеческое сознание – это средоточие эстетического отношения. Хотя последнее включает в себя не только субъектную, но и объектную стороны, интегрирует в себе и объективные качества предмета. Эстетический предмет – будь то

окружающая природа или человеческое существо – витально-телесное и духовно-личностное одновременно, артефакт или именно произведение искусства – действительно обладает эстетическими свойствами – объективными, не кажущимися. Но эти свойства выявляются только в свете различающего внимания человеческого сознания, собственно и выделяющего эстетический предмет из области привычно тусклой реальности. Цветущий луг прекрасен не сам по себе, ведь науки о Земле и жизни при всей их предельной объективности не знают эстетических категорий. Красивое лицо и тело не актуальны без созерцания этой красоты. Человеческая душа, судьба, энергично напряженные сами по себе, эстетически не волнуют без сострадания другого сознания, хотя бы подразумеваемого. Человек не видит своего эстетического совершенства в зеркале собственного тавтологично идентичного сознания, не отражаясь в другом любующемся и сочувствующем взгляде, пусть даже вымышленном. Человек ждет эстетического оправдания своего бытия в другом сознании, в свете которого он окажется страдающим героем или талантливым автором. Даже произведение искусства – этот текст некогда воплощенной художественной мысли – задыхается, меркнет, почти умирает в музее, где нет посетителей. Эстетический потенциал бытия присутствует в мире, он объективен, но он актуализируется только благодаря *эстетическому сознанию*, присущему человеку.

В связи с этим феномен эстетического часто связывают

с особым состоянием сознания. Вероятно, такой подход и является наиболее правильным. Хотя порой, рассматривая природу эстетического в психологической плоскости, говорят и о бессознательном как основе эстетической привлекательности, о парадоксальной противоречивости и творческой энергии, порождающей искусство, об особой эстетической эмоции, подчеркивая при этом все же ее интеллектуальный характер. Иногда психологи связывают эстетическое переживание и эстетические ценности с понятием «сверхсознание», имея в виду надрациональный или, точнее, вне-рациональный характер эстетического предчувствия, интуиции, вбирающих в себя в том числе и данные рационального познания, и установки обыденного опыта, но преобразующих их в новое качество поразительного прозрения, озарения.

И все же наиболее четкие результаты философская эстетика получает тогда, когда рассматривает эстетическое в статусе особого способа активности не психики, а собственно сознания. Эстетическое – особое явление сознания, в котором мир, отражаясь, обретает особые грани эмоциональной осмысленности, способной творчески вдохновлять. Феномен эстетического связан не с данными пяти органов чувств, а с внутренним рефлексивным переживанием, которое само есть смыслообразующее событие. Его действующие компоненты и феномены – узнавание, внимание, восприятие, интерес, сочувствие, переживание-потрясение, ощущение и

суждение эстетического вкуса. Можно выделить некоторые важные особенности эстетического типа осознания: ощущение чуда – как бы воплощающейся мечты; отображение жизненных реалий в переосмысляющей их ауре взволнованного переживания; ощущение идеала как образа совершенства, свобода творческой фантазии.

При этом важно выявить критерии различия эстетического типа сознания от других его постигающих способностей, выявить специфику эстетических ценностей наряду с ценностями рационального осмысления бытия, наряду с нравственными и религиозными ценностями. Важно раскрыть своеобразие художественно-эстетической сферы деятельности на фоне других, иначе сориентированных и функционально направленных сфер культуры.

Для этого сознание должно быть рассмотрено не только как отражение своего предмета (предмет тогда сводился бы к ряду объективных свойств реальности, а сознание различалось бы тогда только по способу отображения той же объективности); оно должно быть рассмотрено и как образование нового смысла особого рода, не только задающего тем самым свой особый предмет, но и переосмысляющего – преобразующего реальность в новое объективное качество. Это новое качество рождается в точке преобразования бывшего бытия в новое целостно сложившееся событие. Ведь целое не есть сумма частей, из которых оно сложилось, – это именно новое преобразующее качество. Точно так же и по-

рождение нового смысла преобразует бытие – образует на его основе новую целостность – новое событие. Да, и наука с ее рациональным мышлением, и религия с ее откровением и молитвенным обращением к запредельному – божественному, и искусство с его яркими озарениями – это разные способы осмысления – переосмысления бытия. В свете их смыслообразующих событий рождается новая объективность. Они вносят смысловую перестройку в инерциально-самотождественный мир; иначе говоря, мир преобразуется в свете творческого сознания – он обретает смысл, которого в нем помимо этого творческого осознания не было, он становится обновленным, новосмысловым миром, обретая благодаря сознанию и свою новую объективную полноту. При свойственном миру энтропийном распаде – вопреки этому распаду мир образует, таким образом, новые связи – он творчески созидается – не остается прежним бытием, а образует новое событие, новую целостность.

Но разве наука не познает именно то, что есть в мире само по себе, помимо нее, помимо ее познающих форм? Да, познает, но познает переосмысляя – внося в зыбкий хаос-порядок бытия строй законов, вытекающих, прежде всего, из смыслообразующих принципов науки. Наука именно познает, то есть подчиняет себе по смыслу реальность, довольно зыбкую и неподатливую саму по себе, познает, привнося в нее больше рационального смысла и находя в ней соответствия своей рациональности. Наука – это не просто отраже-

ние мира, это введение смысловой рациональности в мир, за которым следует и его технологически рациональное преобразование.

Разве религия не основывается на вере в Бога, объективно существующего как непостижимый источник всего бытия? Да, главное в религии – вера и откровение, но они-то – эта вера и это откровение – невозможны без особой смысловой открытости сознания Богу, присутствие которого в этом мире всегда уже свершенных дел и всегда уже сложившихся и начинающих распадаться вещей иначе никак не опознать. Религия делает выводы из своей особой духовной связи с Богом, переосмысляя тем самым все актуальное бытие мира, вводя в мир божественное. Мистический смысл религии не примысливает Бога к миру, а дает божественному проявиться, открывая тем самым особое событие связи мира с Богом, которое иначе просто не состоялось бы. Бог входит в мир через сердце человека.

Разве искусство не отображает самой действительности?

Отображает, но придает ей облик эстетической яркости, покоряющей выразительности, организованности и совершенства, и особенной трепещущей жизненности – придает ей целостность и смысл сейчас складывающегося свежее-волнующего события настоящего, придает ей те качества, которыми сама действительность, обыденная и нудная, все время проскальзывающая мимо своего чудесного *сейчас*, без эстетического отношения к ней, по сути, и не обладала. Это та

действительность, которая как бы готовилась, ожидала эстетического события, но сама этого события еще не образовала. Это событие появляется как новый смысл, как рефлексивно-смыслообразующее действие сознания.

Если это и отражение, то отражение в зеркале, дающем особую смысловую целостность тоскующе разъятым элементам мира. А точнее, это отражение – гармонизиующее складывание бытия – открытое и живое событие. Само сознание – это тогда не просто принадлежность субъекта, присущая ему способность отражать. Оно само – такое событие – узел, в котором по-новому увязывается теперь и весь чувствуемый им мир. Сознание как переосмысление (а не простое отражение) – это уже реорганизация бытия. Хотя человеческое сознание и кажется лишь субъективной формой отражения, как смыслообразующее событие оно объективно. Мир всякий раз уже не тождествен сам себе, не постоянен, а динамичен – и не только в плане инерциальной энтропии. Он динамичен, то есть смыслообразующе превращаем. Он динамичен в созидательном плане *творческой эволюции*, если употребить здесь этот термин А. Бергсона.

Но осмысление – это не некая стандартная процедура обретения смысла. Оно вариантно (как варианты и сам смысл или, точнее, способ образования смысла): рациональное смыслообразование эгоцентрично (но не надо понимать это в нравственном ключе эгоизма): все имеет рациональный смысл, поскольку имеет отношение к доминирующему субъек-

ектному «я» укладывается в порядок *моей* логической самождественности, захвачено моим предметным вниманием, подлежит моему логическому суждению, целесообразно и полезно для *меня*. Такова феноменальная структура разума. Обобщенно эту активность сознания можно назвать активностью *смыслового самоутверждения*.

Своего рода противоположность рациональному смыслообразованию – это открытость сознания другому, высшему смыслу – *смыслообразующему Другому*, в свете которого только и имеет значение и весь мир, и человеческое «я». Таково, в частности, например, религиозно-мистическое сознание. Но такова и любовь – как жизнь другим (а не одним собою), таков и голос совести, который способен судить *меня*, как бы представляя другой, не мой смысл во мне. Мое собственное «я» радикально обновляется при этом. Обобщенно такие явления сознания можно назвать явлениями *смыслового самообновления*.

Наконец, есть и третий вариант смыслообразования – собственно эстетический – такой, где эти полюса сознания – «я» и «другое» – равноценны, то есть они то одновременно, то чередуясь и как будто просвечивая друг сквозь друга, выступают центрами смыслообразования. Как это логически возможно?

Назовем это качество эстетического смысла *инверсией* – превращением. Они, субъективный и объективный полюса эстетического, как в своего рода магическом сознании, неза-

метно переходят друг в друга, сочувствуя и перевоплощаясь, ощущая друг друга изнутри, *восполняя* таким образом друг друга. *Другое* восполняет *мое*, не упраздняя и не разрушая его, *мое* же восполняет *другое*, не присваивая и расчленяя его на элементы *моего* смысла. Другое – все эти явления вне меня, связанные моим переживанием, – окрашивается аурой продолжения меня. Мое же переживание озаряется смыслом другого – обретает новый уровень целостности, как бы удваивается в свете этого другого смысла, ощущаемого как родственный и «милующий», если применить здесь выражение М. Бахтина. Этот тип деятельности сознания можно назвать явлением или смыслом *самовосполнения*. Впрочем, именно в этом – эстетическом – типе осмысления данное «само-» надо понимать двойственно: это и моя активность, и одновременно счастливая данность (со стороны другого) – нечто, что происходит само – само по себе, спонтанно. Здесь неуловимо и непредсказуемо *я* и *другое* меняются в роли доминирующего центра осмысления. Поэтому объективность обладает здесь – в эстетическом переживании – потенциалом субъектности, а субъективность оказывается увлекаемой произвольной стихийностью бытия. Переживаемая реальность оживает, а человеческая воля электризуется подспудными силами некоего потенциала бытия – энергией объективно слагающегося события вечного обновления.

В некотором аспекте эту инверсивную – превращающую-

ся – двойственность эстетического смыслообразования можно счесть децентрированной целостностью. Центр смысла не во мне и Центр смысла не во мне и не в другом – он между, он в отношении, в самом событии – в со-бытии. Он неуловим именно как центр. И тогда смысл предстает не столько как четкая центрированная структура, сколько как широкая аура смыслового потенциала, охватывающая все пропитанные им средства выражения, пронизывающая всю материю, через которую проходит энергия осмысления. Эта децентрация сознания проявляется в следующем: кажется, что все осязаемое пронизано некой выразительностью, выражением, но того, кто является автором этого смысла, как бы и нет, он скрыт – он не вот этот я и не определенный *другой*. Источник смысла предстает как *мое другое* или же *другое я*. Нет того, кому можно было бы приписать источник смысла всего того волнующего содержания, которое мы воспринимаем, – оно и не из *меня*, и не от *другого*. Оно выглядит как спонтанное событие – событие эстетического смысла. (Психологически это удивительное свойство объясняют порой тем обстоятельством, что человек склонен наделять объекты, сами по себе эстетически нейтральные, своими собственными переживаниями, тревогами, ожиданиями, причем делает это произвольно – не примысливает эти качества, а спонтанно «вчувствует» их в реальность – осуществляет *эмпатию*.) Авторы многих шедевров эстетического творчества свидетельствуют, что вдохновение, догадка и художественная удача дает-

ся им как бы извне, а не придумывается ими произвольно. В то же время воспринимающий подлинно убедительные художественные образы чувствует, что они как бы рождаются изнутри его души, а не просто сообщаются извне. В этом смысле эстетические явления и эстетическая экспрессия – самые эффектные инструменты межличностной коммуникации, которые люди используют постоянно и везде – отнюдь не только в искусстве.

Эстетическое осознание по структуре своей рефлексивно, то есть внутренне удвоено, раздвоено в самом себе на воспринимающее-свое и воспринимаемое-другое – оно биполярно, но полюса, на которых бы собиралась эта энергия смысла, здесь специфическим образом не сфокусированы – энергия распылена, растворена во всех составляющих этого события, во всех составляющих его ощущениях и ассоциациях, в пределе же – во всем мире, вступившем в поле эстетического осознания. Так что, кажется, что и со стороны самого воспринимающего субъекта действует не сознание, а только впитывающее эту чудесную выразительность бытия чувство.

Поэтому эстетический смысл приходит как бы из самого мира – как чудесное явление смыслового потенциала в нем. Поэтому для эстетического так важна произнесенность, проявленность, телесность выражения, сама одухотворенная материя чувства, а также обилие ассоциаций и метафор, пронизывающих весь мир, оказывающийся посредником эстети-

ческой коммуникации сознания и несущий на себе отголоски той же магии инверсий-перевоплощений. Поэтому сфера эстетического – это сфера игры, свободно задающей правила и условности перевоплощения, свободно меняющей лики и личины, превращающей сознание то в автора, то в героя, игры как увлекательной фантазии, восполняющей разобщенную монотонность реальности. Поэтому сфера эстетического – это сфера персонификаций, антропоморфности, символичности – всех этих смысловых переносов (метафор) и взаимодействий (синергий), подобных тем, в частности, что характерны и для феномена мифа.

Ярким аналогом эстетической децентрированно-инверсивной, встречно отражающей и проникающе-доверительной коммуникации является событие любви. В феномене любви человеческое «я» всецело проникает в личность «другого» – видит себя в свете сознания этой личности, дающей смысл и оправдание существованию «меня». В свою очередь, *я и другой* в феномене любви как бы взаимопроникают друг в друга, теряя индивидуальную разобщенность и обретая новую целостность внутренней духовной связи. Эти полюса связанной таким образом субъектности как бы меняются местами, теряются друг в друге, находя при этом себя в другом и другого в себе. Упрощенно это можно выразить так: в состоянии любви «Ты» – это «Я» и «Я» – это Ты». Субъектные центры как бы «расплавляются» друг в друге, но при этом все, что опосредует их коммуникацию, их самовыраже-

ние навстречу друг другу, их восприятие друг друга озаряется энергией этой их особой новой целостности – энергией не присущего реальности самой по себе смыслового потенциала любовного общения – *встречного сочувствия*. В этом встречном сочувствии – суть любви; но в нем же и суть эстетического события – этого особого способа образования смысла в удвоенном зеркале человеческого осознания. Можно сказать, что любовь – это и есть глубинный принцип эстетического. Недаром реальная человеческая любовь окрашивает весь мир в тона красоты, экзистенциальной полноты, жизненного трепета и чуда. М.М. Бахтин говорил о милующем отношении автора к герою как об эстетическом принципе в искусстве.

Да, человек обретает полноту души и судьбы в сострадающе-милующем взгляде другого, превращаясь в его сознании в *героя* – эстетически спасенного и по-особому бессмертного во взгляде *автора*, давшего ему осмысленность. Автор же нуждается не только в своем герое, в душу которого он хотел бы перенести часть собственного «я». Он еще больше нуждается в зрителе (читателе, слушателе) – в адресате своего послания – в том другом сознании, в котором он, в свою очередь, надеется эстетически ожить. Смех зрителей входит ли в состав комедии? Слезы зрителей входят ли в состав трагедии? Да, входят, даже если это только подразумеваемые слезы возможных созерцателей, именно они придают и герою, и автору ожидаемую оживляюще-любящую полноту отражаю-

ще-осмысляющего бытия.

Но любовь как феномен эстетического склада – это любовь-любование, а не любовь-самоотдача; это любовь, в которой любящий и любимый – две стороны чудесного события – равноценны и стремятся отразиться друг в друге. И эти отражения взаимно зависимы и эквивалентны, то есть не удастся окончательно уяснить, в чем же их смысл: в том, чтобы, любуясь, отразить другое сознание, другую душу, или в том, чтобы отразиться в нем, увидев самого себя милуемым и любимым в свете реального или подразумеваемого другого сознания. Такова эстетическая любовь-сочувствие, в отличие от этической, почти мистической любви-самоотдачи.

Оба сознания глядятся здесь – в любви-сочувствии – друг в друга, находясь в одном измерении этого вечного *сейчас* (остановленного прекрасного мгновенья) – в чудесно сложившемся и не законченном событии актуально настоящего, собственно и образующего подлинное событие этого бытия. Они подразумевают синхронную и даже инверсивную активность друг друга, возможность объемлющего превращения друг в друга. Это чудо вдруг совпавших сторон бытия, вот непосредственно теперь чувствующих друг друга как самих себя, чувствующих свою удивительную целостность. Эстетическое – это *событие настоящего*, чудесно пробивающееся в этом мире, собственно и составляющее чудо этого мира, которое можно увидеть, почувствовать здесь, на земле, в жизни – не в перспективном грядущем, а именно в настоящем.

Эстетическое переживание – это не то чаяние грядущего – всегда неизъяснимо тайного, всегда нездешнего, непредсказуемого Другого – трансцендентного и ожидаемого истока бытия. Такое ожидание грядущего уже совсем иного, скорее, религиозно-мистического свойства; не станем путать это явление сознания с эстетическим событием. Хотя соединяться это чувство чудесно слагающегося настоящего и интуиция таинственного грядущего между собою могут, порождая особые феномены и в области эстетического, и в поле мистического предчувствия.

О таких феноменах будет сказано в разделе, посвященном систематизации основных эстетических категорий.

Эстетическая любовь волнующе трепетна и даже порой тревожно ненадежна, как и все в этом мире, понятом как открытое событие; она эфемерна и относительна, как любое «сейчас». Отсюда – трепетная взволнованность эстетического, надежда, в которую хочется верить, а не вера, которая обнадёживает. Спасет ли красота мир? Кажется, нет. Она гармонизирует бытие, но она может и растлевать его своими бесконтрольными внушениями. Искусство, как мы видим, отнюдь не имеет нравственных иммунитетов. К тому же искусство и эстетическое – это не только красота.

И все же красота, понимаемая в ключе эстетического совершенства, способна восполнять бытие своим почти магическим событием, она наполняет сознание радостью жизни, без которой и память-знание и предзнаменование-молитва

не образуют целостного мироздания. Она отображает обновление мира, вечно новое настоящее, собственно и составляющее эстетически данный мир.

Впрочем, эстетическое в современном понимании – это отнюдь не только красота. Категории модернистской и постмодернистской – неклассической – эстетики выявляют в эстетическом чувстве и явно деструктивные качества (абсурд, ужас, жесткость, безобразное и т. п.). Это то, что никогда не свяжешь с феноменом любви. Они, скорее, связаны с поразительно впечатляющим чувством отвращения. Но и отвращение ведь построено на некотором сочувствии иному, том нежелательном сочувствии, которое вызывает отталкивание, вызывает разрушительный надлом. Да, это сочувствие, это чувствующее перевоплощение, эта инверсия своего в другое и другого в свое совсем иного свойства, нежели эстетическая любовь. Но отвращение не ощутишь помимо экзистенциального погружения в инаковое, сколь бы оно при этом не отталкивало этой своей совершенной инаковостью, несопоставимой и неприемлемой чуждостью. Отвращение – это обратная сторона любви. Отвращение столь же поразительно, столь же внушающе, столь же магически сильно, как и любовь.

Представляется, что это не ошибка эстетики – включение поразительных негативных чувств в ее сферу. Ведь в современном понимании, как уже было сказано, эстетическое это прежде всего яркая экспрессия и только отчасти – позитивно складывающееся чудесное событие. Именно децен-

трированность эстетического смыслообразования открывает путь этой шокирующей амбивалентности: событие открывается как просвет, в самой середине которого может открыться рискованный и опасный провал человеческого духа – зияющая и сводящая с ума пустота абсурда, жуть совершенно иного. И это странное качество выявляется не мистической верой и не разумом. Оно выявляется только экзистенциально-эстетически, ведь именно в эстетическом переживании энергия смысла рассеяна, растворена в ином. Именно децентрированность смысла как таковая, столь характерная для эстетического события, делает возможным абсурд, нон-сенс как бы в самой середине осмысления.

Эстетический мир – это не только космос, но и хаос. И связанные с ним негативные чувства так же требуют существенного внимания, могут так же увлекать или изживаться в игровом ироничном переосмыслении, столь характерном для той ситуации в культуре, которую именуют постмодерном. Увы, трепетно волнующее событие обновляемого мироздания таково – оно и счастливая грань созидания, и одновременно рискованная грань распада, ведь в основе миротворения не только конструктивность созидания, но и пустота, среди которой, как на зыбком песке, создал Бог этот мир, *чудесно* складывающийся по воле Творца и *чудовищно* распадающийся сам по себе. Событие эфемерно – быстро проходяще. И это значит не только то, что его можно остановить как счастливое мгновение или воскресить как оживаю-

щее воспоминание, но и то, что оно может безвозвратно уйти в прошлое, исчезнуть или трансформироваться в пустой момент ироничной и бесплодной игры.

Еще раз хочется заметить: эстетическое, искусство и даже сама красота не имеют нравственных иммунитетов, как на это ни уповали мыслители Просвещения и романтизма. Эстетическое при всей своей связующей силе, при всем своем увлекающем могуществе по отношению к человеческому сознанию, при всей неоглядности возможных ассоциаций и фантазий не может мыслиться как самодостаточная сила в области порождения смысла. Оно может восполнить бытие и насытить сознание только в интегрированном взаимодействии с конструктивным разумом и с мистическим проникновением к истокам бытия. А возможности для интеграции у него как раз больше, чем у других сфер сознания и культуры. Эстетическое может просветлить светом живого открытого события и онтологические истоки, и истины познания. Правда, часто оно оказывается ослепленным этим своим ярким светом вот-настоящего, так что само за обилием ассоциаций и эйфорической увлекательностью не различает ни онтологического грядущего, ни твердо познанного прошлого – оказывается неменяемым с точки зрения разума и слепым с позиций мистического видения.

Эстетическое отношение (от греч. αἰσθήσις (aesthesia) – чувство) – особая духовная связь субъекта с объектом, основанная на незаинтересованном интересе к по-

следнему. Эта связь сопровождается чувством повышенного внимания, глубокого духовного эмоционального волнения – активно-созерцательного любования, не сводимого к рациональному познанию и техническому преобразованию, не сводимого к мере эффективности, а представляющего собою особый самоценно-чудесный эффект. Но эстетическое отношение также несводимо и к нравственному чувству, которое, будучи совестным и нормирующим отношением, может включать не только определяющее человеческие поступки отношение субъекта к самому себе, но и его отношение к другому человеку, обществу и даже природе. Эстетическое отношение несводимо и к религиозному отношению – связи человеческого сознания с высшим сверхмирным бытием, с таинственным божественным началом как источником всякого бытия. Это совершенно особое отношение, в котором объект как бы растворяется в субъекте, становится живой причастностью ему, а субъект обретает внутренний характер эстетически постигаемого объекта – отношение приобретает черты не субъект-объектного уже, а субъект-субъектного – отношения равноценности и превращения (мысленного, переживающего перевоплощения) взаимно отражающих сторон события.

Эстетическое отношение относится, таким образом, и к самому сознанию, имеющему в эстетическом явлении характерную отражающе-отражаемую двойственность – двойственность вдохновенного перерождения и преображающей

реальность игры. Оно относится и к самому бытию, которое действительно преобразуется в свете сознания, обретает в нем свою эстетическую свершенность. Примером этому может служить то, как красота природы вдруг обретает в эстетическом отношении к ней качество совершенства, которым помимо этой эстетической цельности, привнесенной осознанности в общем-то еще вполне и не обладает. Примером этому может быть и появление произведений искусства – этой активно эстетически преобразованной реальности.

Эстетическое отношение, таким образом, носит творческий характер. За тем переосмыслением реальности, которое происходит в эстетическом к ней отношении, обретается новый, не бывший ранее, мир – мир в особой смысловой целостности, пронизанный потенциалом новой связности, ощущением чудесной полноты и предчувствием невысказанной ранее истины бытия. В связи с этим мир эстетического отношения индивидуален; есть немало относительного в характере эстетического отношения, проявляющегося в переживании разных людей, в разных ситуациях, хотя есть и качественное единство самих эстетических явлений, отраженное в ряде основных категорий эстетики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.